

весьма неприятное животное; оно высасывает кровь у животных — лошадей, коров, мул и пр., но при хороших конюшнях, а именно имея окна с густыми решетками, борьба с ними вполне возможна. На хуторах, выше упомянутых, конюшни хорошо оборудованы и животные не страдают от вампиров. Если же не предосторожничать животных от вампиров, то достаточно 10-15 дней, чтобы животное пропало от укусов.

Насекомых также много и есть вредные. Есть москиты, но это зло терпимое, а вот есть особая порода мух, которая жалит главным образом в голову и бороду, т. е. в места, покрытые волосами. Муха эта маленькая. Есть муравьи величиной в палец, укусы их не из приятных; после укуса болят суставы. Докладчик остановился на насекомом, которое называется „турниш“; эта бабочка кладет свои яички на белье, когда оно сушится; когда уже белье на человеке, то от теплоты из яичек выходит личинка, которая входит в тело, обозначая свое местонахождение двумя усиками. Выдавливает ее ни в коем случае нельзя; применяются тамешние народные средства: „растирается мыло с табаком и накладывается на пораженное место; личинка от этого пропадает; процесс этот проходит болезненно.“

О болезнях отец Михей говорит мало. Благодаря здоровому климату, отсутствует малярия разных видов; конечно, отдельные заболевания есть, но это нельзя относить к обычному явлению.

Я уже говорил выше, что докладчик не раз указывал на плодородность земли долины Маркапат. Растет все, но сеют там главным образом следующее: коко — это дерево, напоминающее березу, из него добывается кокаин; листья же его в сушеном виде индейцы жуют, а на вопросы: для чего это? — обычно отвечают, что если бы они не жевали коко, то не смогли бы работать. Сахарный тростник, который в изобилии произрастает там, идет главным образом на водку, которая там в большом спросе. Юка, это род картофеля, очень вкусна, заменяет хлеб. Произрастает кофе, какао, рис (но не азиатский, а тамешней особой породы), кукуруза, арбузы, дыни, ананасы. Все европейские овощи произрастают, давая хороший урожай; весь скот т. е. всех пород, может там жить, если будет корм.

Когда батюшка уже подводил свой доклад к концу, то казалось, что уж особенного ужаса и нет, хотя перед началом и было предупреждение, что доклад будет печален. Что же погубило колонию? О. Михей указывает на два главных обстоятельства — это: вина колонистов в том, что они расселились хуторками на протяжении двадцати километров, тогда как рекомендуется селиться станицей и также сообща заниматься очисткой земли. А расселение хуторками создало неудобства в получении пайка, который был хотя и плоховат, но все же не позволял голодать. Правда, говорит он дальше, это одно все же не могло провалить дело, так как казаки упорно не желали расстаться с землей, уже приведенной ими в порядок. Второе обстоятельство, которое доконало колонию, это то, что денежная правительственная помощь — 15 солей в месяц, пришла со значительным опозданием.

Заканчивая доклад, о. Михей заявляет, что он категорически возражает против обвинений, которые возводятся на казаков, — обвинения в пьянстве и безхозяйственности. Все очень охотно и дружно работали. Казаки не отставали от мужчин. Не было казака, который не очистил бы хотя одного гектара земли, что несомненно по тамешней местности — большой труд. Казаки героически боролись со всеми лишениями в течение 8 месяцев. Приди помощь несколько раньше, то колония сохранилась бы. Когда батюшка уезжал отсюда, то там оставалось до 20 человек, которые, очевидно, уже не бросят колонию, т. к. начали получать правительственную помощь.

В заключение докладчик говорит, что переселение в Перу вполне возможно, но на месте нужно, учтя опыт казаков, селиться вместе. Подготовительную работу по переселению нужно поставить иначе, чтобы не попались случайные люди, которые в будущем будут только помехой.

Еф. Якименко.

Господину Редактору журнала „Вольное Казачество“.

Уважаемый Господин Редактор!

Прошу не отказать напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее. Я послал в редакцию журнала „Родимый Край“ письмо следующего содержания:

„Милостивый Государь, Господин Редактор! Прошу напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее: в номере 6-м своего журнала Вы, в своей статье „О самостоятельности“, ловко умолчав о всех серьезных принципиальных положениях „Ответов „В. К.“, стали на путь личного поношения своих противников. В частности, в отношении меня Вы прибегли к самому легкому и недостойному способу, назвав меня, без всякого к тому основания, „Калмыцким Голубовым“, т. е. большевиком.“

Сравнение меня с большевиком, разогнавшим Донской Круг, расстрелявшим достойного его Председателя Волошинова, столь же достойного Донского Атамана Назарова; сравнение меня с большевиком, пролившим много казачьей крови, зачинщиком неисчислимых страданий и несчастий Казачества — я считаю для себя тяжким оскорблением, а того, кто без всякого к тому основания делает подобное сравнение — нечестным человеком.

Заявляю, что я никогда большевиком не был и не могу быть по той простой причине, что кровь тысячи моих братьев и сестер, убитых и по ныне убиваемых большевиками вопиет против этого. Ни один честный калмык, видевший те жуткие страдания, те неисчислимые материальные и человеческие жертвы, какие понесли калмыки, благодаря большевикам, на всем протяжении пути Маныч — Черное море не может стать большевиком.

Мою чисто деловую критику „деяний и действий“ ген. А. Богаевского („бессменного“ Донского Атамана) ни один добросовестный человек не может квалифицировать, как преступление перед Казачеством. От того, что Донское Казачество, к своему несчастью, лишено возможности выбрать себе достойного Атамана, ген. Богаевский не может превратиться в святого человека, критиковать которого может почитаться смертным грехом. Примите уверение в совершенном и пр. Ш а м б а Б а л и н о в“.

Но г. редактор „Р. К.“ не поместил это мое письмо целиком, потому что в нем, как пишет г. Мельников в номере 6-м „Р. К.“, приводя только выдержки из моего письма, „есть некорректные выпады против Войскового Атамана“, „ругань“, „базарные пересуды и перебранки“, „и другие ругательства“.

Может ли хоть один объективный человек усмотреть в моем письме хоть приблизительно подобное, чего можно определить этими мельниковскими словами? Пусть об этом судят читатели „В. К.“.

Но приведя лишь выдержки из моего письма и, по обыкновению извратив их смысл, г. Мельников счел необходимым развить демагогию на тему святого почитания казачьей традиции и я считаю необходимым разъяснить некоторые его пункты:

1) В своем журнале г. Мельников, очевидно, за именем других порочащих меня аргументов, назвал меня „Калмыцким Голубовым“, т. е. большевиком, против чего я протестовал своим письмом. Теперь он пишет, что „мы охотно верим словам Ш. Балинова, что он не большевик, даже больше того — мы знаем это“...

Мельников это знал и тем не менее назвал меня „Калмыцким Голубовым“, который, действуя во главе большевиков и вместе с ними, совершил величайшее злодеяние над Донским Казачеством. Но Мельников полагает, что сравнение с Голубовым — совсем невинная штука, ибо Голубов „коммунистом не был“. Полагаю, что сами читатели „В. К.“ дадут моральное определение этому Мельниковскому „трюку“.

2) Мельников проявляет сильное беспокойство за судьбу Калмыцкого народа, но он „не может ручаться“ за то, как бы „калмыцкий маленький народ“ не понес („уже в будущем“) жестокое наказание за слова „утра-

тившего чувства реальности" Балинова: „будем бороться всеми силами, вплоть до физической“.

К чему лить крокодиловы слезы, г. Мельников! Должен заявить, что я всегда говорю и действую от своего собственного имени и за мои слова и действия никто, тем более народ в целом, не может нести наказание. Во-вторых, г. Мельников, приводя мое заявление из старой статьи, по своему обыкновению, совершил над ним маленькую, но грязную „операцию“. В моей статье сказано: „Вольные казаки прямо заявляют: будем бороться всеми силами, вплоть до физической“. Не нападать, а бороться, защищая кровные интересы и права Казачества! А в переделке Мельникова получилось, что я от имени Калмыцкого народа веду „воинственную проповедь против русского народа“, собираюсь поднять калмыков на войну с русским народом.

Я не утратил еще чувства реальности и понимаю смехотворность, если бы вопрос стоял так, как Вы, г. Мельников, пытаетесь выставить, бессовестно передергивая, подтасовывая чужие слова, мысли. Но всякий честный человек поймет и скажет, что вопрос идет в данном случае об объединенном, едином Казачестве, составной частью которого является и народ Калмыцкий. А такое Казачество может жить свободной, самостоятельной жизнью и достойно защищать свои интересы, вплоть до физической борьбы.

3) Г. Мельников выставляет себя верным блюстителем казачьей „седой старины“. „Для нас, — пишет он, — выборный Войсковой Атаман — символ казачьего единства и казачьего права, носитель бесконечно дорогой для казака идеи, казачьей выборной власти; выборный из казаков войсковой Атаман — это то, к чему казачество стремилось веками, и мы отказываем в уважении тем казакам, которые, забыв казачьи традиции, позволяют в наглом тоне говорить о выборном Атамане Войска. Мы считаем это оскорблением не только для Атамана, а для всех нас, для целого Войска, его избравшего, для всего казачества, чтущего святыне традиции седой старины“.

Поистине странное понятие у г. Мельникова о „святынях традициях седой старины“ и бесконечно его самомнение, когда он отказывает в своем уважении всем вольным казакам. Я, Мельников, так сказать, излучаю из казачьей семьи те сотни и тысячи вольных казаков, которые не желают беспрекословно меня слушаться, не хотят превратиться в бессловесных автоматов!

Да, Казачество чтит и уважало своего Атамана, но никогда из него не делало идола; да, меньше подчиняться своему выборному достойному Атаману — казачья традиция, но и казачья обязанность — указывать на ошибки и промахи Атамана, критиковать его; да „бесконечно дорога для казака идея казачьей выборной власти“, но также бесконечно грустно для него, если эта власть не ведет себя достойно, не соответствует своему назначению, еще хуже, если эта власть сознательно не выполняет своего долга; да, казаки выбирали себе Атамана, но никогда не выбирали себе пожизненного Атамана.

И когда обо всем этом говорят вольные казаки, то Мельников „отказывает им в уважении“, считает это, „недостойным выпадом“, „наглым тоном“.

Когда сам Мельников пишет, что огромная Донская казна, находившаяся в его бесконтрольном распоряжении, „теперь кончилась“, разве казаки не вправе спросить — куда и как? Когда по улицам европейских городов ползут слухи, что Атаманская Булава, символ казачьей власти, находившаяся в таком надежном хранилище, как Чешский Национальный Музей, кем то оттуда изъята и неизвестно где хранится — разве казак не вправе спросить — почему изъята и где она хранится? Когда вместительный сундук Донской казны кем то опустошен, казачий офицер-инвалид вынужден работать на фабрике по десять часов, не имея от своего правительства никакой помощи, а недавний этим сундуком Мельников, как говорят, в центре Франции купил землю, построил себе собственную виллу, — разве не долг казака спросить — почему и как?

Разве „святыне традиции седой старины“ требуют сокрытия „махинации“, своих верхов?

Разве стремление рассеять позорящие Казачество слухи — преступление, за что можно причислить к этому стремящихся к лагерю большевиков и исключить из семьи казачьей? С каких это пор искание правды стало почитаться „наглым тоном“?

Разве не долг казака спросить обо всем этом и требовать отчета? Разве не долг г. Мельникова, „Председателя“ Донского Правительства, дать исчерпывающий, неопровержимыми документами оправдываемый, ответ на все подобного рода естественные вопросы?

Да, долг казака требовать отчета и долг Мельникова дать полное удовлетворение. Но последний от выполнения своего прямого долга уклонился, скрывшись за красивой, но фальшивой фразеологией. Очевидно, ему нечего отвечать.

4) „Для печатания ругани у г. Балинова есть другие издания, где корректность тона не считается обязательной и где принято спор переносить на личную почву“ — пишет г. Мельников.

Опять ложь! с больной головы на здоровую! „Вольное Казачество“ никогда первым не начинало спора с казаками. Оно исходило из одного принципиального положения — беречь казачье имя, к какому бы политическому лагерю оно не принадлежало, исключая, конечно, большевиков. И это положение им соблюдалось до последней возможности. Интересующийся этим может легко это выяснить, проследив все полемические статьи в „В. К.“ — все они являются вынужденным ответом на злобные нападки тех, кто ныне пытается разыгрывать из себя олицетворения невинности. Точно также не соответствует действительности упрек Мельникова „В. К.“ „где принято спор переносить на личную почву“. „В. К.“ избегает этого и, зная нравы своих противников и не желая дать своим противникам возможность переносить спор на личную почву, оно иногда полемические статьи печатает под псевдонимом. Но г. Мельников, ничего не имея возразить по существу написанного и желая отделаться только поношением автора статьи, организует специальную „Анкетную Комиссию“ для розыска автора, чтобы перенести принципиальный спор на личность автора.

Пристала ли после этого Мельникову тога рыцаря чести?

Конечно, надо иметь уважение и к своим противникам, но бесконечно трудно вести полемику с таким недобросовестным противником, как г. Мельников.

Шамба Балинов.

Казаки в Долове.

Долово чисто сербское село с 7000 населением. Там, как и всюду, живут дружной семьей казаки кубанцы, и один донец Голганов — председатель конлонии. Все пропитаны вольно казачьим духом. Большинство живет в общепитии, которое им устроило местное управление. Некоторые женаты на местных селянках и живут в домах своих жен.

Занятие у них разнообразное. Но большинство занимается поденщиной. Есть, как и всюду, мастеровые, ремесленники на всевозможные лады.

Живут все дружно. Не на минуту не забывают свою родину, всегда рвутся, туда, где блещет на солнце седой Тихий Дон, катит свои волны взмученная Кубань и с грохотом перекачивает камни Бурный Терек. С нетерпением ждут каждый раз журнал „В. К.“, который в одно мгновение проглатывается и ожидается новый...

Г. А.

К годовщине смерти есаула Фед. Георг. Савина, каз. ст. Суворовской.

Спи, герой родной Кубани; ты уснул навеки сном; не пробудит тебя стенанье, ни боевой военный гром. Ты помнишь бой тот на Стоходе, его ты лихо совершил; иль в Кубанском то походе никогда ты не плышал. Свое ты дело знал прекрасно, хранил заветы стариков и все ты делал не напрасно, любя душою казаков. Ты сделал с сотней реалистов поход Кубанский